

ЭО, 2010 г., № 3

© Ю.П. Шабаетв. Рец. на: *И.В. Ильина. Традиционная медицинская культура народов европейского северо-востока (конец XIX–XX в.)*. Сыктывкар: Коми научный центр, 2008. 225 с.

Российская этнология, на мой взгляд, все еще переживает этап сложного перехода от прежних научных традиций (это касается как методологии, так и общего понимания актуальных проблем науки) к новым исследовательским подходам и качественно иному общественному предназначению данной научной дисциплины. Естественно, что многие авторы, стремясь не “рассматривать общества только как *объекты изучения*” (Левин-Строс. 1999: 35), заявляют об актуализации результатов своих исследований и о выходе на решение ряда современных социальных проблем.

В этом отношении весьма интересны публикации, которые посвящены анализу опыта народного целительства, традиционных представлений о здоровье и способах его поддержания. Многие видные практики современной медицины громко заявляют о том, что искусство врачевания как заинтересованный диалог двух экспертов (врача и пациента) все более утрачивается, а социологи в этой связи пишут о кризисе биомедицинской модели здоровья и о том, что во многих развитых странах возник всплеск интереса к возможностям альтернативной медицины, в том числе и опыту народных врачевателей.

Поэтому представляется вполне обоснованным, что в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” подготовлена и издана монография И.В. Ильиной, которая в своем труде заявляет об актуальности “обобщения медицинского опыта народов” и важности “изучения перспектив его включения в современную систему здравоохранения” (с. 11). Мне уже приходилось писать рецензию на книгу названного автора, посвященную народной медицине коми (Шабаетв 1998). Тогда, как мне представлялось, было уместно сравнивать книгу И.В. Ильиной с другими изданиями подобного плана. Сегодня это тоже вполне уместно, ибо рецензируемая монография во многом сходна по способам презентации этнографического материала с другими аналогичными изданиями и имеет те же принципиальные упущения (Никонова 2000; Мальцев 2004). Но сегодня оценивать подобные публикации нужно уже не только с позиций их содержания и сравнительного анализа и не только повторяя своевременно высказанную мысль Ю.В. Бромлей о значимости народной медицины как предмета этнографических исследований (Бромлей, Воронов 1975). Следует принимать во внимание и “необходимость развития медицинской антропологии, помимо рамок народных медицинских знаний и практик” (Тишков 2005). Заметим, что попытки рассмотрения деятельности народных целителей в современных условиях предпринимаются социологами и некоторые из этих попыток вполне удачны.

Что же касается этнологических работ, посвященных народным медицинским практикам, то они, к сожалению, редко выходят на уровень серьезного анализа феномена современного “народного целительства”, на выявление его связи с традиционными практиками и массовыми представлениями о роли культурного опыта для повседневности. Этот упрек относится ко многим публикациям этнологов, включая и монографию И.В. Ильиной, хотя исследовательница и отмечает, что “население не только осведомлено, но и применяет средства эмпирической медицины” (с. 200).

Если обратиться к содержанию названной монографии, то прежде всего следует отметить ее насыщенность богатым и разнообразным материалом, характеризующим номинации народных врачевателей, формы и правила передачи медицинских знаний, представления о здоровье и причинах заболеваний у коми, ненцев и различных групп русского старожильского населения, о родах и обрядах, связанных с рождением и охраной здоровья ребенка, о традиционных средствах и методах лечения, о лечебной магии. Эти материалы в большинстве являются результатом многолетних полевых исследований автора.

Другое достоинство работы – ее четкая и ясная структура. Первая глава посвящена рассмотрению статуса народного врачевателя в общей социальной структуре каждой из этнических

Юрий Петрович Шабаетв – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (ИЯЛИ КНЦ УрО РАН); e-mail: shabaeff@online.ru

групп и способах его обретения. Во второй главе анализируются народные представления о здоровом образе жизни и причинах заболеваний. В третьей – рассматриваются обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка и охраной его здоровья. Четвертая дает подробную характеристику народной фармакологии и физиотерапевтических средств лечения. Пятая посвящена анализу роли магии в народной медицине коми и русских. Автор строит свое изложение исходя из того, что народный врачеватель и медицинские знания – это часть общей социальной структуры, органический элемент народных знаний и представлений вообще, и структура монографии должна способствовать полному и обстоятельному анализу народной медицины как культурного явления.

Однако в содержательном плане к отдельным главам вполне уместно предъявить некоторые претензии. Возможно, их можно было бы избежать, если бы во введении было дано обоснование структуры и оговорено, на каких конкретно аспектах автор остановится более подробно, а какие считает возможным опустить. К сожалению, во введении предлагается лишь краткий историографический обзор и некое описание источников, а также бегло говорится о значимости изучения народной медицины. Цели и задачи, которые автор перед собой ставит, авторская концепция, общие методологические подходы к анализу явлений этнической культуры и многие другие вопросы, которые неизбежно возникают при чтении монографии, не освещены во вводной части работы.

Конкретно по поводу содержания глав возникают три серьезных возражения. Первое связано с главой о народных врачевателях, где есть раздел “Формирование культа народной целительницы Тандзе Марья”. Не буду приводить здесь трактовку самого понятие “культ”, но позволю утверждать, что явных свидетельств подобного культа не существует. На кладбище с. Гам в Ижемском р-не, где она похоронена, могила Тандзе Марья ничем не выделяется среди прочих сельских могил, следов массового поклонения нет. В самом с. Гам на вопросы о том, кто и как ухаживает за могилой известной целительницы, местные жители отвечают: “Да раза два в год родственники приезжают и убирают”. Память о целительнице, конечно, еще сохраняется, но главным образом у представителей старшего поколения жителей Ижемского р-на, молодежь о ней знает мало или не осведомлена вовсе. А пассаж о том, что в почитании ижемской врачевательницы можно усматривать “определенную этнополитическую составляющую, связанную с попытками коми-ижемцев обосновать свой статус как отдельного этноса” (с. 39), вообще не имеет под собой никаких оснований.

На одном из конгрессов этнологов и антропологов России В.А. Тишков упоминал о том, что некоторые западные исследователи “открывают” в нашей стране якобы ранее никому не известные народы. Теперь пришла пора “открытия” новых культов. Причем это не заблуждение автора, а осознанная позиция, поскольку она изложена не только в рецензируемой монографии (Ильина 2007). Остается предположить, что участие автора в международном проекте по изучению новых религий и религиозных тенденций в России и побудило к весьма вольной трактовке народной памяти о целительнице.

Второе сомнение касается того, что в монографии, которая посвящена сравнительному анализу народного медицинского опыта у нескольких этнических групп (коми, европейских ненцев и групп русского старожильческого населения европейского севера), материалы по избранным для анализа группам не сбалансированы. Очевидно доминирует материал по коми. Этнографические материалы по русским заметно меньше по объему (если не принимать во внимание перечень трав, применяемых при лечении различных заболеваний), хотя имеется огромный массив как опубликованных, так и архивных материалов по этой теме (в одних только “Архангельских губернских ведомостях” опубликовано немало), которые автор по непонятной причине не использовал. Что же касается материалов по народной медицине ненцев, то их объем в монографии И.В. Ильиной крайне ограничен. Это, конечно, связано с тем, что народная медицина ненцев менее изучена, а также с тем, что сама исследовательница не проводила полевые исследования среди ненцев. Создается ощущение, что народная медицина различных групп русского населения европейского севера России и ненцев европейских тундр (Большеземельской, Малоземельской, Канинской, Тиманской) присутствует в работе лишь как некий сравнительный материал, но не как равнозначная часть научного сочинения. Более того, возникает и закономерный вопрос о том, что автор подразумевает под “народами европейского северо-востока”. Понимаются ли им территориальные группы русского старожильческого населения как “народы”, придется ли аналогичное значение европейским ненцам? Ни из текста введения, ни из содержательной части монографии или заключения понять это невозможно.

Наконец, третье возражение касается содержания последней главы, посвященной анализу магических практик. Представляется, что тут особую роль должен был играть сравнительный анализ заговорных формул, которые используются при врачевании коми, ненецкими и северорусскими целителями. Здесь уместно, на мой взгляд, сослаться на замечание М. Фуко: «Чтобы постигнуть момент речевой мутации, необходимо, конечно же, обратиться не к теоретическому строению, но к той сфере, где “слова” и “вещи” еще не разделены, способы видения и высказывания слиты на языковом уровне. Нужно задаться вопросом об исходном распределении видимого и невидимого в той мере, в какой оно связано или разделено с тем, что себя выражает, и тем, что молчит: итак, артикуляция медицинского языка и его объекта появляется как цельная фигура» (Фуко 1998: 10). Именно сравнительный анализ заговоров позволил бы выявить то, как понимали болезнь и здоровье коми, как понимали их ненцы и как они трактовались в северорусской фольклорной традиции. Но развернутой трактовки названных категорий и их сравнения ни в основном тексте монографии, ни в заключении не приводится. При этом И.В. Ильина отмечает, что “Европейский Северо-Восток – территория контактов трех этносов, относящихся к различным хозяйственно-культурным типам, к различным мировоззренческим системам...” (с. 39). Но сами глубинные корни мировоззрения названных этнических групп далее не раскрываются.

Н. Мазалова, на которую автор несколько раз ссылается, к примеру, дает довольно развернутое определение того, как воспринимали здоровье русские, которое почему-то не использовано в монографии (Мазалова 1996).

Поскольку коми и ненцы относятся, по мнению автора, к другим “мировоззренческим системам” (?) и хозяйственно-культурным типам (?), постольку, вероятно, их восприятие здоровья (и болезни) должно отличаться от восприятия русских. Но автор об этом ничего не пишет, а в заключении, противореча себе, говорит, что “народная медицина северных русских и коми обнаруживает единство и в структуре медицинских знаний, и в качественном составе ассортимента лечебно-профилактических средств, и в практике народных врачевателей. Очевидно также структурное и семантическое единство лечебно-магических ритуалов, неразрывно связанных с народными представлениями об этиологии заболеваний” (с. 199). Указанный вывод не кажется убедительным, ибо материала, приведенного автором, на наш взгляд, не хватает для подобного заключения.

Впрочем, научная объективность требует сказать, что способы лечения и представления о болезнях у северных русских и коми, действительно, во многом были схожими, что можно проследить на этнографических материалах (Попов 1903; Дмитриева 1993а). Однако не меньше сходства обнаруживается в медицинских практиках коми и других финно-угорских народов, что, однако, позволяет видеть вполне очевидные различия (Шабатов, Мальцев 2004).

Тесные контакты между русскими и другими народами европейского севера России, которые можно проиллюстрировать и на этнографическом, и на фольклорном материале (Дмитриева 1993б), вовсе не означают, что у коми или у ненцев невозможно выявить специфику восприятия здоровья и болезни. Более того, робкие попытки автора определить содержание понятия здоровья у коми показывают, что оно не синонимично русскому восприятию этой социальной категории.

Тем не менее все сказанное выше не отрицает того, что монография И.В. Ильиной представила на суд научной общественности богатый и интересный материал по народной медицине коми, северных русских и ненцев.

Литература

- Бромлей, Воронов 1975 – Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // Сов. этнография. 1976. № 5. С. 3–18.
- Дмитриева 1993а – Дмитриева С.И. Мировоззренческая основа народных представлений о болезнях русских Европейского Севера // Российский этнограф. Альманах. Вып. 3. М., 1993. С. 46–67.
- Дмитриева 1993б – Дмитриева С.И. Русско-финно-угорские связи (по материалам севернорусского фольклора) // Русский фольклор. Т. XXVII. СПб., 1993. С. 136–147.
- Ильина 2007 – Ильина И.В. Традиционная медицинская культура ижемских коми // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 246–259.
- Леви-Строс 1999 – Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.

- Мазалова 1996 – Мазалова Н.Е. Народная медицина в традиционной русской культуре // *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 478–489.
- Мальцев 2004 – Мальцев Г.И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX века (Историко-этнографический аспект). Кудымкар, 2004.
- Никонова 2000 – Никонова Л.И. Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000.
- Попов 1903 – Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
- Тишков 2005 – Тишков В.А. VII Конгресс этнологов и антропологов // Антропологический форум. Спец. вып. 2005. С. 143–148.
- Фуко 1998 – Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
- Шабаетв 1998 – Шабаетв Ю.П. Рец. на: И.В. Ильина. Народная медицина коми // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1998. № 4. С. 179–181.
- Шабаетв, Мальцев 2004 – Шабаетв Ю.П., Мальцев Г.И. Бани в народной медицине пермских и волжских финнов // ЭО. 2004. № 5. С. 53–66.

ЭО, 2010 г., № 3

© **О.И. Курто**. Рец. на: *О.Г. Гончаренко. Русский Харбин*. М.: Вече, 2009. 256 с. (Русские за границей).

История пребывания граждан Российской империи на северо-востоке Китая неизменно привлекает внимание исследователей. Наибольший всплеск интереса к этой странице русской истории наблюдался после распада СССР, когда широкому кругу читателей стали доступны мемуары и ранее засекреченные сведения. Однако тема эта далеко не исчерпана, и предстоит сделать еще многое, чтобы до конца понять роль “русской Атлантиды” в истории нашей страны. Очередную попытку в этом направлении предпринял известный дипломат, политолог, кандидат политических наук Олег Геннадьевич Гончаренко. Его книга представляет большой интерес как для профессиональных исследователей, так и для всех любителей истории. При необычайно широком охвате самых разных вопросов, связанных с жизнью Харбина, работа отличается стройностью и последовательностью изложения, а искусное сочетание сухих исторических фактов и различных бытовых сюжетов делает ее легкой для чтения. Ценность данного исследования заключается прежде всего в попытке обобщения и переосмысления большого количества самых разных источников (архивные данные, мемуары, реклама, свидетельства очевидцев, фотоматериалы, газетные статьи, литературные произведения). А потому книгу О.Г. Гончаренко вполне можно использовать и как справочник. С этнографической точки зрения интересно описание быта и нравов русских харбинцев, особенностей их жизненного уклада. Читателям, мало знакомым с русской страницей в истории Китая, автор предоставил ряд любопытных фотоматериалов.

В рецензируемой работе 12 глав. И, хотя О.Г. Гончаренко не считал необходимым вводить в структуру книги другие подразделы, ее содержание подталкивает читателя мысленно разделить материал на две части. К первой следует отнести пять первых глав, повествующих об истории строительства КВЖД и обустройстве прилегающей территории, а также о быте, нравах и людях Харбина. Ко второй – остальные семь глав, имеющих больше историко-политический характер и в которых Харбин рассматривается исключительно как место разворачивающихся событий. В этой связи название книги кажется не совсем соответствующим ее содержанию, поскольку заголовок “Русский Харбин” предполагает, вероятно, необходимость освещения вопросов, связанных с жизнью и деятельностью города в различные исторические периоды. В то время как автор во второй части своей работы предпочитает давать оценку различным военно-политическим аспектам, связанным с деятельностью лидеров белогвардейского движения на Дальнем Востоке, излагать подробности их биографии, а также детали военных столкновений остатков “белой” армии с хунхузами и военными силами СССР. Такой интерес к вопросам политики

Ольга Игоревна Курто – аспирантка Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: panlijia@gmail.com